

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

На глазах Тумановского изменилась страна. Союз нерушимый вдруг взял и разрушился. То, что раньше казалось надежным, незыблемым, вечным, превратилось в прах и тлен. Какой радостью в детстве была покупка первого черно-белого телевизора «Рекорд-64» в 1966 году! Как радовали развлекательные и политические программы! Ведь до появления в доме телевизора каждый день начинался с боя курантов и гимна, будь он неладен. И только воскресенье начиналось иначе — с музыкальной программы «С добрым утром!». И если имена своих мучителей, ведущих производственной гимнастики, преподавателя Гордеева и пианиста Ларионова, Туман запомнил на всю жизнь, то имена Веры Орловой, Галины Новожиловой, Гуны Голуб и веселого архивариуса из «Доброго утра» из памяти стерлись. И тут телевизор.

Сергей Сергеевич Смирнов. Писатель-фронтовик. Он вел программу «Подвиг». И его за несколько лет сломали.

Вначале он находил героев Отечественной войны, которым по вине «тыловых крыс» не досталось ни орденов, ни медалей, и прямо в студии сообщал, что награда нашла героев. За святые и чистые слезы ветеранов Игорь был благодарен Сергею Сергеевичу Смирнову. Но вдруг он пропал из эфира. А через некоторое время появился снова. Та же

студия, та же заставка, тот же Смирнов. Но герои другие. В студии сидели два жирных узбекских хлопкороба, герои соцтруда. И Смирнов, постаревший и погрустневший, рассказывал, что героизм — это не только война, но и мирное строительство. Смотреть на это фарисейство сил не было. И передача вскоре исчезла. Еще был «Клуб кинопутешествий», «Музыкальный киоск» и «Кинопанорама». «Кинопанорама» Алексея Каплера — это отдельная тема.

Алексей Каплер был первым на телевидении, кто оторвал голову от бумажки и обратился к телезрителям как к друзьям. Туман был даже свидетелем одного эфира, когда «ивановские ткачи» в открытом письме упрекали Каплера в том, что он якобы не готовится к встрече с ними, раз не заглядывает в конспект. На что ироничный Каплер сказал: «Ну, представьте себе, что вы пригласили меня в гости, приготовили всякие вкусности, мы по-домашнему расположились в кухне, чтобы поговорить по душам, и тут я достаю заранее приготовленные конспекты и начинаю зачитывать план нашего общения! Поймите, я готовлюсь, но так, чтобы вам было со мной интересно. И для этого необязателен суфляж и шпоры».

На Западе гроыхнула сексуально-порнографическая революция, о непроходимости которой все время говорили большевики. Хиппи своими цветочными головами прикрыли землю от войны, а Игорь покупал в электричках у слепых фотографии своих кумиров из «Битлз».

В шестом классе мама приобрела для него магнитофон «Яуза-5»... И понеслось. Пленка «тип 2», «тип 4», «тип 6», «тип 10»... Кто сейчас помнит эту маркировку?! Чтобы иметь хотя бы одну неполноценную запись «битлов», Игорь бился два месяца. Песня называлась «Бebilон». Тогда по телевизору очень модными политическими обозревателями

были Валентин Зорин и Борис Шрагин. Они по очереди вели программу «Некоронованные короли Америки». Программа шла каждое последнее воскресенье месяца. Музыкальной заставкой для этой программы была не песня первого советского ВИА «Ярославские робяты», певшего о Ереме, который «стал тонуть, Фому за ногу тянуть», а битловский «Бабилон». Два-три месяца переписки, склейки, монтажа — и полная версия битловской песни готова. Ты герой! Еще были программы питерской студии «Горизонт» из цикла «Каким ты станешь, парень?». Да мало ли, что тогда было. Мало. Смертельно, адски мало!

В школе лицемерия, которую Тумановский закончил с отличием, преподавали такие гиганты этого непростого жанра, как Генрих Боровик. Однажды на одной из встреч пытливый Туман замучил избалованного вниманием и славой модного политического журналиста и публициста вопросами о том, как тот пообщался с Керенским. Фигура Керенского была для Игоря интересной и противоречивой. Автор модного в те времена «Интервью в Буэнос-Айресе» неохотно и утомленно рассказывал, как летел с Керенским из Нью-Йорка в Вашингтон и сидел рядом с ним в самолете. Керенский, естественно, узнал Генриха Боровика и сразу же проявил к нему интерес. «Я прямо видел, как его распирало от желания заговорить со мной. Но о чем я мог с ним говорить?» — всем своим видом намекал Боровик. Наконец Керенский собрался с духом и обратился к советскому публицисту:

— Скажите, а меня в России еще помнят?!

— Конечно, помнят, — успокоил тот престарелого авантюриста и отвернулся. Через несколько дней Боровик узнал о его смерти.

Это была первая версия их встречи. Но каково же было удивление Тумана, когда на нескольких разворотах

«Литературной газеты» он прочитал о том, как готовились эти встречи. Встреч, как выяснилось, было несколько... Каким интересным, хотя и своеобразным, оказался одноклассник Ленина! Поэтому на первом демократическом съезде, когда Боровик попробовал, как уж умел, защитить советскую власть плюс электрификацию всей страны, интеллектуал и умничка Карякин двумя снайперскими фразами вернул известного журналиста на грешную землю, слегка уставшую от его фарисейства.

Глава 1

Медовая ночь плавно превратилась в не менее медовый день, а тот, в свою очередь, в такую же медовую неделю.

Антон и Лена были по-настоящему счастливы.

Они любили друг друга. И, казалось, этому не будет конца. Подписав рапорта на отпуск, они после свадьбы, не сказав никому ни слова, забились на дачу Голицыных, отключили телефоны и, как будто в первый и последний раз, наслаждались друг другом.

Молодые, сильные, красивые, видевшие так мало радостного и искреннего в жизни, они жадно познавали друг друга и размыкали объятия только по нужде (поесть, поспать, помыться, пообщаться с биде и т. д.).

Секс-игры, которые они придумывали друг для друга, не имели ничего общего с немецкой порнографией, но, тем не менее, были смелыми, нежными, необычными и какими-то чистыми, что ли.

Антон жмурился от удовольствия и любовался Леной. Все в ней было необычно, загадочно даже после разгадки и прекрасно по-настоящему.

Ни красота огромных аквариумов, ни хриплое потрескивание камина не доставляли ему столько радости, сколько возможность часами смотреть на это стройное, родное, такое желанное и такое совершенное тело.

Любовно ухоженный и необычно подстриженный газон, перламутрово-розовая влажность холодных губ, безумная матовость раскосых, моментально набухающих от любого прикосновения сосков, плоский, потрясающей формы живот с маленькой загадочной впадиной, из которой языку так не хотелось обратно в рот. Когда Лена ложилась на живот, линии спины были настолько совершенны, а ямочки на ягодках, которые какой-то скудоумный лишенец назвал ягодицами, настолько соблазнительны, что, думая о попке в целом, Антон терял рассудок окончательно.

А запах! Так пахнуть, как Лена, могла только Коко Шанель в младенческом возрасте. Смесь парного свежего молока и загадочная терпкость нездешних, неземных парфюмов!

Счастье, почему ты не бесконечно? Все бы ничего, но, изгаляясь над своим безрадостным прошлым и придумывая все новые и новые пиры для души и тела, Лена заказала пиццу и включила на минуту телефон.

Моментально позвонил Кротов.

— Вы что там, молодые, совсем с ума сошли?! Можно быть счастливыми, но нельзя быть безумными! Джульетта, дай трубку Ромео или тому, что от него осталось!

И в эту минуту Лена поняла, что желанная сицилийская пицца превратилась в пуританскую иерусалимскую мацу.

— Антон, это Крот, на, поговори, но сразу предупреждаю, что раньше чем через год я из этой постели не встану!

Антон нехотя взял трубку, в душе проклиная все виды современной связи, кроме безопасного секса.

— Привет, персональный пенсионер районного значения, — не очень радушно поздоровался Антон.

— А вот и не угадал, мой изнывающий половой истомой на законном основании друг! В свете последних решений генерал, узнав о вашей свадьбе, понял, что для розыска вы уже умерли, а для следствия еще не родились. Он постирал все лампасы, ползая на коленях, но все же уговорил меня еще годик послужить. Так что рапортом своим я подтерся и уже неделю обмываю твое освобождение, вашу свадьбу и свое решение. А вы — свиньи, превращающие верного друга в алкоголика.

— Это каким же образом? — возмутился было Антон.

— Он еще, сука, спрашивает! Друзья напиваются вместе. А алкаши — в одиночестве, — с фальшивой тоской заблажил в трубку Крот.

Антон вдруг отчетливо понял, что так просто теперь от Крота не отделаться, и, дабы не быть свиньей, гостеприимно прохрюкал в трубку, чтобы Крот приезжал на дачу.

Надо ли говорить, что уже через пару часов возле дачи вонял и кряхтел дежурный УАЗик.

Смущенная Лена и проклявший свое невольное гостеприимство Антон встречали Дубцова, Костромина и Кротова.

Сержант-водитель отказался и быстро уехал.

Гости достали добытые честным трудом коммерческие закуски и питье.

Все расположились в большой столовой, где гостеприимно горел камин, в больших аквариумах золотые рыбки неторопливо и снобистски поддерживали на очень высоком плаву авторитет и имидж хозяев, которые еще совсем недавно были так счастливы здесь.

В этот вечер все много пили, ели и громко, перебивая друг друга, разговаривали. И как бы ни старались помал-